

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ЭЛИТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Т.М. Бойко

Россия, г. Орел, Орловский государственный технический университет

Общество, которое переживает системную трансформацию, достаточно сильно отличается от стабильного, представленного в нашем понимании западными демократиями. Одна из основных характерных черт такой трансформации – смена общественных ценностей и социальных норм. Процессы общественных перемен должны осуществляться через систему государственных и общественных институтов. В стабильном обществе они осуществляют функции целеполагания, адаптации, интеграции. В условиях трансформации общества не все функции выполняются или выполняются не полностью. Паралич деятельности общественных институтов частично компенсируется активностью элит. Именно в этот период растет значение элитных групп. Качество перемен определяется зрелостью систем ценностей этих групп.

Важнейшими моментами в процессе рекрутирования элиты являются широта ее социальной базы, круг лиц, осуществляющих отбор элиты, процедура, механизм отбора. Выделяют два главных типа рекрутирования элит – открытый и закрытый.

Открытый тип основывается на отборе, имеющем вид честного конкурса, при котором решающими являются личные качества человека, его способности, образованность, нравственные характеристики, а не «анкетные данные», не его (или его родителей) социальное положение, принадлежность к определенной группе (привилегированному сословию, классу, национальности или группировке). Только при таких условиях элита будет состоять из наиболее достойных в нравственном и интеллектуальном отношении людей. Закрытый тип основывается на принципе выдвижения на элитные должности не самого умного, способного, честного, но зато «своего» человека, доказавшего преданность социальной группе, клану, лидеру. Но это ведет к негативным последствиям для общества и в конечном счете к деградации элит.

Более чем тысячелетняя история России типична для закрытого типа рекрутирования элиты с жесткой иерархией: Великий князь – удельные князья – боярство – дворянство. Определяющим принципом рекрутирования элиты было местничество. Назначение на высшие должности определялось не столько квалификацией и даже заслугами, сколько знатностью, родовитостью. Реформы Петра I подорвали местничество, но отнюдь не уничтожили его. Боярская Дума была заменена Сенатом, назначаемыми государем чиновниками. Дворянство становилось единым господствующим сословием, принцип местничества подрывался критерием квалификации и заслуг, что не перечеркнуло сословность, а совмещалось с ней. Значительная демократизация государственного управления произошла в начале XX века под влиянием революции 1905 - 1907 гг. Но все это не решало радикально вопроса об отходе от закрытости элиты. Октябрьский переворот, сметая старую политическую систему, не покончил с закрытым характером элит. На смену сословно-монархической элите пришла советская, рекрутирование которой приняло характер номенклатурной системы. Возможности продвижения наверх были ограничены низкой сменяемостью элит: высшие государственные должности занимались фактически пожизненно. Перестройка была попыткой обновить элиту, удалив из нее наиболее консервативные элементы. На протяжении шести лет шли перемены в номенклатуре, особенно высшей.

За последнее десятилетие XX века можно проследить несколько этапов в процессе трансформации управленческой элиты. Начало первого этапа можно датировать 1991 годом – время смены старой советской элиты новой российской.

Основным принципом формирования элиты в это время был так называемый номенклатурный принцип. По социологическим данным в правительственных структурах 75%, а в бизнесе 65% - выходцы из старой советской номенклатуры [10]. Более половины попали в номенклатуру даже не при М. Горбачеве, а еще раньше – при Л. Брежнев [5]. Но следует отметить, что около одной трети

новой российской элиты (35%) составили лица, которые раньше ей не принадлежали.

Степень заимствования лиц из старой номенклатуры была значительно больше на региональном уровне (82,3%), чем на федеральном [10].

Предпочтение при отборе отдавалось личным качествам претендента, которые могли быть полезными руководству в данный момент: личная преданность, поддержка провозглашенного политического курса, осуждение всего советского, коммунистического и т.п. Таким образом, в российскую элиту рекрутировались лица по совершенно различным признакам и с совершенно разной карьерой. Общее у всех одно: своим возвышением они обязаны какому-то важному государственному чиновнику и связывали с ним свое будущее. Г. К. Ашин [12] сравнивает описание рекрутирования советской элиты в конце 80-х годов американского советолога Дж. Клюгмена с выводами, к которым приходит исследователь клиентарных отношений в среде постсоветского чиновничества М. Афанасьев [1]. Дж. Клюгмен пишет, что элитную карьеру определяют отношения между патроном и протеже. Также важны и более широкие связи вне команды – друзья, родственники, бывшие соученики, бывшие коллеги. Отмечается также и такой «внешний» фактор, как поддержка какой-либо экономической структуры. Отсюда и так поражающая готовность высших российских чиновников снести унижения, чтобы остаться у власти.

Надо сказать, что принцип нейтральности в России никогда не работал: при царях чиновники были обязаны верно служить престолу и присягали на верность конкретному монарху; при большевиках условием службы была постоянно подтверждаемая верность «линии партии», а на практике – последним партийным указаниям и конкретным партийным начальникам (так называемый «подбор кадров по политическим качествам»). Чувствуя предстоящие перемены, в 1991 году аппарат поддержал решение Б. Ельцина о «департизации» госслужбы. Это и позволило ей практически сохранить свой прежний кадровый состав. Элитная группа администрации президента пополнялась в этот период в основном за счет представителей чиновников аппарата исполнительной власти и депутатского корпуса. Существенно возросла и воля руководства высшего уровня: критерии отбора, назначение на тот или иной ответственный пост полностью осуществлялось представителями высшей власти. В результате в состав элиты зачастую попадали не самые достойные. Основными критериями формирования элиты на этом этапе были: партийность, возраст, стаж работы, социальное происхождение, пол, положительная характеристика руководства и т. д.

Однако существовал и еще один механизм формирования элиты – так называемый демократический – свободные выборы, принцип конкуренции, открытое соперничество претендентов на должность. Однако и здесь было достаточное количество лиц с номенклатурным прошлым.

Нельзя не отметить, что в течение двух-трех лет процессу формирования элиты была присуща некоторая стихийность.

После выборов в Государственную Думу и принятия Конституции РФ в 1993 году в формировании как политической, так и управленческой элиты наметились новые тенденции. Можно сказать, что начался второй этап. Механизм

ее формирования становится более демократичным, но основные критерии включения в элиту остаются большей частью теми же. По результатам опроса слушателей Российской Академии государственной службы, проведенного с помощью сотрудников аналитического центра Академии весной 1995 г. [1], карьере чиновника определяли главным образом отношения личной преданности и покровительства: их влияние гораздо сильнее, чем влияние профессиональных характеристик (исполнительность, повышение квалификации, интеллектуальная самостоятельность). Наиболее распространенный способ продвижения «наверх», дающий максимальные шансы на успех, - стать членом «команды», работающей на влиятельного лидера, обрести покровителя, т.е. вступить в клиентарные отношения (плюс покровительство финансового спонсора). Между этими командами и внутри них непрерывно ведется открытая, а чаще закулисная борьба, происходят скандалы, «разборки», борьба «компрома-тов». Решающую роль в деле продвижения в элиту по-прежнему играют не личные достоинства, а принадлежность к социальной группе, клану, что препятствует отбору в элиту действительно лучших, наиболее способных людей.

Вхождение в элиту в этот период становится достаточно сложным, а система формирования элиты → все более закрытой.

Качество элиты во многом зависит от принципов ее образования. Здесь можно отметить и позитивные перемены. Во второй половине 90-х годов повысился образовательный уровень элиты: достаточно высок процент лиц с высшим образованием (97,4%) и лиц с ученой степенью (48,4%). Стала значительно выше доля гуманитариев, особенно экономистов, юристов (24,1%), хотя доля «технократов» оставалась достаточно высокой (47,2%).

В этот период появляются следующие механизмы в формировании элиты: профессионализм кандидатов на высокие руководящие посты, проведение открытых конкурсов, свободных выборов. Впервые на законодательном уровне закреплена возможность проведения квалификационных экзаменов, конкурсов на замещение вакантных должностей, зафиксированы некоторые ограничения, гарантии и привилегии, связанные со статусом государственного служащего. По распоряжению Президента РФ образована Комиссия по государственному строительству, под эгидой которой разработана концепция административной реформы.

При Президенте РФ была создана Российская Академия госслужбы (РАГС) с развернутой сетью региональных учреждений. Кроме того, около 100 вузов страны осуществляют подготовку кадров по специальности "Государственное и муниципальное управление". Основной задачей здесь выступает процесс осознания человеком своей профессиональной роли, места в социально-профессиональной структуре общества, выработка самосознания служилого сословия, включение в публично-правовые отношения. А данный процесс осуществляется прежде всего в системе непрерывного профессионального образования.

Персонализация верховной власти при неразвитости формальных политических институтов в России неизменно, в течение нескольких столетий, приводила к тому, что смена первых лиц означала смену политических эпох, стилей,

механизмов господства, состава и роли определенных групп влияния и т.д. Каждый властный переход означал более или менее глубокую трансформацию властных механизмов и, как следствие, элитных групп.

Властный переход 1999 - 2000 гг. существенно изменил в первую очередь политическую сцену страны - характер действующих лиц и самого действия. Номинально все атрибуты многопартийности 90-х годов сохранены, реально же - в значительной мере утратили свое значение. Происходит процесс замены многопартийности новым вариантом «государственной партийности» - государственная власть объявляет себя единственной «правильной партией», подчиняя себе или отесняя на обочину политической жизни все прочие организованные партийные силы. В итоге - довольно унылая картина опустевшей за десятилетие российской политической сцены. Политика капитулировала перед «завоевателем» - президентской властью. Власть и «послушный ей народ» вновь остались наедине.

Со времени смены политического лидера в России прошло не так много времени, и пока нельзя сказать ничего определенного о составе и особенностях формирования элитарных групп. По прогнозам социологов круг представителей элитарных групп, вместе с которыми президент собирается осуществлять свой политический разворот к новым по сравнению с его предшественником направлениям, обозначится лишь после 2001 года, когда он сделает свой окончательный выбор.

Как отмечается социологами, приход к власти нового президента совпадает со временем поколенческой смены, когда более молодое поколение постарается убраться со сцены и заместить укоренившуюся элиту.

Вся российская история XX в. довольно четко размерена поколенческими сменами, оказывавшими самое серьезное влияние на ход политических процессов, да и на всю жизнь в стране. Октябрьский переворот означал, по сути дела, приход к власти не только новых социальных групп, но и очень молодых людей (Ленину в 1917 г. было всего 47 лет, а Сталину и Троцкому - по 38 лет). С этого момента наблюдается скачкообразное движение в рамках "поколенческих эпох" продолжительностью в 32-36 лет - ленинско-сталинской тоталитарной эпохи (1917 - 1953 гг.), хрущевско-брежневской эпохи разлагающегося тоталитаризма (1953 - 1985 гг.) и начала эпохи посттоталитарного "криминально-демократического" похмелья (эпохи Горбачева - Ельцина - Путина). Внутри отмеченных выше двух крупных эпох явно различаются точки поколенческого "полураспада", когда молодые начинают теснить "революционеров" - зачинателей эпохи. Эти точки располагаются где-то в середине эпохи и знаменуются бурными политическими событиями. В эпоху Сталина это были 1934 - 1937 гг. - искоренение "ленинской гвардии" и существенное омоложение элиты, сознательно проводившееся Сталиным, (по подсчетам, средний возраст элиты после 1934 г. снизился с 49 до 32 лет). Во времена Брежнева аналогичный натиск молодых происходил в конце 60-х годов (это и "шелепинцы", и порыв «пражской весны»), но был заторможен и остановлен (после 1968 г. средний возраст элиты помолодел всего на четыре года - с 58 до 54 лет), результатом чего явилась всем

известная постепенная геронтизация правящего класса и "парад гробов" на Красной площади на исходе эпохи.

Нынешняя эпоха как раз приближается к этой средней точке и как бы предоставляет выбор между двумя описанными выше вариантами развития событий. Более вероятным, однако, представляется вариант резкой смены поколений и "опоры на молодых". Сегодня средний возраст элиты - 56 лет, а условную границу между поколениями можно провести где-то на рубеже 45-летнего возраста (годы рождения 1955 - 1957), т.е. различить тех, кого перестройка застала в возрасте 30 лет и более, и тех, кто был тогда еще в сравнительно юношеском возрасте. Именно эти тогдашние юноши скоро начнут в массовом порядке приходить к власти, и средний возраст элиты резко снизится и составит 39-40 лет.

Будет ли эта смена означать резкую смену идеологических ориентиров и ценностных установок? На основе анализа данных социологических опросов, позволяющих если и не получить полную картину поколенческих различий, то во всяком случае уловить некоторые симптомы, указывающие на такие различия или их отсутствие. С этой целью можно рассмотреть и сравнить данные по возрастным группам 45-60 лет (нынешнее поколение) и 30-45 лет (поколение "некст").

Первое, что бросается в глаза, оба поколения равно патриотичны и не склонны «сдавать позиций» перед лицом цивилизационно чуждых России веяний». Самое главное и четко выраженное отличие прослеживается в отношении к рынку. В поколении "некст" наилучшей для России экономической системой считают рыночную 42% опрошенных, а в нынешнем поколении (50-59) – всего лишь 19%. Нельзя не заметить, что равномерное нарастание положительного отношения к рыночной системе находится в прямой зависимости от снижения возраста [13].

В поколении "некст" все еще очень сильны "пережитки социализма в сознании людей". Плановой системе отдают предпочтение 45% респондентов из этой группы (60% – в группе 50-59 лет). Идею 100%-й государственной собственности поддерживают 12% в поколении "некст" и 27% в нынешнем; а за то, чтобы в частной собственности находилось не более 30%, выступают 47% в группе "некст" и 62% в группе 50-летних. Только 9% среди 30-летних (4% – в группе 50-59 лет) высказываются в пользу более чем 70%-й доли частной собственности.

Отношение к коммунистам в группе "некст" не имеет остро антагонистического характера. 45% в этой группе высказываются за формирование правительства "народного доверия" с участием коммунистов и других победивших на выборах партий (против – 24). Такая снисходительность к коммунистам является признаком, скорее всего, стремления к "социальному миру" и может быть выражением определенного понимания демократии. Сказывается здесь и довольно заметная аполитичность поколения "некст". 30-летние как бы более умеренны в своих ожиданиях относительно связанных с избранием нового президента перемен в экономической и политической жизни страны; 42% в старшей группе уверены, что произойдут лишь некоторые изменения. Поколение «некст» в большей степени устраивает существующее положение дел. Но за умеренно-

стью и аполитичностью молодых можно разглядеть, к сожалению, и некоторые признаки моральной деградации и правового нигилизма.

Литература

1. Афанасьев М. Правящая элита России: образ деятельности//Мировая экономика и международные отношения. - 1996. - № 3, 4.
2. Ашин Г. К. Смена элит//Общественные науки и современность. - 1995. - № 1. - С.40-50.
3. Ашин Г. К. Формы рекрутирования политических элит//Общественные науки и современность. - 1998. - № 3. - С.85-96.
4. Ефимов А. Элитные группы, их возникновение и эволюция//Знание-сила. - 1988. - № 1. - С.37-41.
5. Захарченко В. Конвертация номенклатуры в элиту//РИСК. - 1999. - № 5-6. - С. 115-119.
6. Зинченко Г. П. Социология государственной и муниципальной службы: программа-концепция//СОЦИС. - 1996. - № 6. - С. 36-45.
7. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. - 1995. - № 1. - С.51-65.
8. Левада Ю. Общественное мнение на переломе эпох: ожидания, опасения, рамки. К социологии политического перехода//Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. - 2000. - № 3. - С. 7-17.
9. Оболонский А. В. Постсоветское чиновничество: квазибюрократический правящий класс//Общественные науки и современность. - 1996. - № 5. - С.5-15.
10. Об основах государственной службы РФ, ст.1, п.1 ст.6 и п.3 ст.7// Российская газета. - 1995. - 3 авг.
11. Разуваев В. В. Власть в России: бюрократическое измерение//Кентавр, 1995. - № 4;5;6.
12. Савватеева И. О тех, кто нами правит//Известия. - 1995. - 15 мая.
13. Седов Л. Проблема смены политических элит: поколение «пехт»// Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. - 2000. - № 3. - С. 22-24.